

УДК 821.161.1

82-3

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-47-54

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА 2000—2010-Х ГОДОВ

Я.В. Солдаткина

Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, д. 1, Москва, Россия, 119991

Цель представляемой статьи — выявить основные принципы создания современной исторической прозы и определить причины ее популярности. В ходе проведенного исследования были отмечены такие особенности современной русской исторической прозы, как отказ от реалистического изображения исторических событий и исторических деятелей, перенос фокуса повествования в сферу частного бытия, усиление занимательного элемента. Писатели уделяют большее внимание воссозданию исторического колорита, отражению сознания эпохи, исследуя не исторические закономерности, но мировоззрение и поведенческие характеристики социума. Принципиально иными качествами отличается историософская проза В. Аксенова и Е. Водолазкина: они возвращают в историческую прозу ценностную вертикаль, философские и социальные категории. В целом, современная историческая проза отражает ведущие художественные тенденции литературного процесса 2000-2010-х годов: диалог с массовой культурой и поиски новой повествовательной стилистики.

Ключевые слова: современная историческая проза, историческое сознание, авантюрный роман, историософский роман, художественный документализм

Основными оценочными характеристиками современного литературного процесса, как правило, становятся понятия «кризис», «трансформация», подчеркивающие глобальные перемены в художественном сознании и читательском восприятии, в формах бытования литературы, в изменении как семантико-стилистической структуры литературы, так и ее места и роли в социокультурной парадигме. Наступление массовой культуры, период господства постмодернистского дискурса, бизнес-регуляторы издательского процесса, потеря интереса к чтению и к книге как носителю нравственно-эстетических ценностей не могли не повлечь за собой серьезные перемены в литературной технике, повлияли на жанрово-тематические и стилистические особенности литературы XXI века.

Данная тенденция проявляется и в трансформации исторической прозы как эстетического феномена. Те формы исторического повествования и исторического сознания, которые сложились в русской словесности XIX—XX веков, подверглись существенному пересмотру и фактически оказались на периферии литературного процесса. Но при разрушении канонов художественного историческо-

го повествования мы можем отметить тот колоссальный интерес к историческому нарративу, который характерен для отечественной культуры конца нулевых—начала 2010-х годов. Расцвет исторического дискурса в отечественной прозе обусловлен общей социокультурной ситуацией «открытия истории»: общественной установкой на переосмысление советских и постсоветских исторических концепций, активной полемикой о советском и дореволюционном прошлом, запросами на создание «единой концепции истории» — непротиворечивого описания отечественного исторического процесса. «Новое прочтение» в социуме получают категории соборности и индивидуализма, патриотизма, духовных традиций. Определенная экзистенциальная неуверенность общества в настоящем и будущем провоцирует обращение к прошлому, которое становится проекцией коллективных страхов, попыток обжить историческую среду, отработать исторические травмы, чтобы тем или иным образом примириться с действительностью.

С культурологической точки зрения новые художественные поиски путей воплощения исторического сознания и принципов создания исторического нарратива коррелируют со сменой приоритетов в самой исторической науке. От истории героев и истории общественных формаций современная историография развивается в сторону исследования частной жизни, «маленького человека», рассматриваемого на конкретном историческом срезе: в специальную научную отрасль во второй половине XX века выделяется «история повседневности», комплексная историческая дисциплина, изучающая «стиль жизни», быт, нравы, поведенческие парадигмы различных исторических эпох [6]. Обыденность как альтернатива исторической событийности представляется нам созвучной современной реабилитации частного сознания, ценности личного опыта, личного пространства и личного бытия, стремящегося абстрагироваться от масштабных исторических проявлений. Синхронный срез современной отечественной прозы позволяет нам утверждать, что практически во всех значимых направлениях фиксируется обращение к тем или иным аспектам исторического повествования. Историческая тематика оказывается тем общим трендом, который объединяет «женскую прозу» с «пацанской», «художественный документализм» с авантюрным повествованием.

Рассмотрим наиболее интересные и показательные примеры обращения к исторической проблематике и преобразования исторического повествования. Поиски новой реалистической эстетики предлагают читателю различные варианты трансформации исторической темы. Обращение к форме «альтернативной истории» [2] используется в романе А. М. Терехова «Каменный мост» (2009), в центре которого — псевдодокументальное современное расследование реальной трагической смерти Нины Уманской, произошедшей на Большом Каменном мосту в 1943 году, и судеб ее друзей из компании «золотой молодежи» сталинской эпохи. Отдавая дань популярной детективной эстетике, герой-повествователь прокручивает различные версии происшествий (от реалистических до фантастических), тщательно воссоздавая как раз «исторический колорит», уже упоминаемую нами историю повседневности, поскольку избегает уже ставших стереотип-

ными к концу нулевых тем сталинских репрессий и Великой Отечественной войны. Жизнь и смерть юной Нины оказывается для автора ключом к экзистенциальным размышлениям об ужасе и неизбежности смерти, о собственной участи, символически представленной в романе фигуркой солдата — «безликого оловянного лыжника в масхалате» [7. С. 7], то ли подлинного артефакта советской эпохи, то ли удачной современной подделки, осколка на рынке бытия.

Собственное авторское видение истории, вариант ее художественной интерпретации представляет в романе «Мысленный волк» (2014) А.Н. Варламов (о художественном мире романа подробнее см. [5]). С одной стороны, в тексте присутствуют такие приметы исторического повествования, как описание глобальных исторических событий (Первая мировая война) и их влияние на судьбы общества и вымышленных романских персонажей. К тому же Варламов формулирует четкую историософскую концепцию, исходя из которой Первая мировая и последующие революционные события воспринимаются как экспансия Мысленного Волка — дьявола, символа, олицетворяющего собой западные, чуждые России веяния, искушающего и едва совсем не погубившего страну.

С другой стороны, на «альтернативность» варламовского исторического нарратива указывает практически полное отсутствие реальных исторических персонажей, необходимых для классического исторического романа. Вернее, узнаваемые для образованного читателя фигуры писателей Пришвина, Розанова, Александра Грина, а главное, Григория Распутина как будто спрятаны под масками, что позволяет Варламову, во многом игнорируя историческую объективность, заниматься реабилитацией Распутина, сделав его, разудалого и вдохновенного божьего человека-плясуна, центром противостояния Мысленному Волку. Финал романа также выведен из сферы исторического — он посвящен трагическому падению и возвращению к жизни главной героини Ульяны Комиссаровой, т.е. частный сюжет борьбы с Мысленным Волком оказывается приоритетным по сравнению с сюжетом историческим.

Для творчества Л.А. Юзефовича характерно сочетание принципиально противоположных повествовательных стратегий. Близость к авантюрному типу героев демонстрируют персонажи его исторического романа «Журавли и карлики» (2008—2009), действие которого разворачивается в нескольких временных пластах (Русь и Европа XVII века, революция 1917 года и события 1993 года, конец 2010-х годов). Историческая концепция, обязательный атрибут исторической романистики, у Юзефовича носит метафорический характер: история понимается как непрекращающаяся война известных еще с античных времен журавлей и карликов, сражающихся под разными ликами в любую эпоху. Нивелируя исторический прогресс, Юзефович актуализирует поэтику авантюрно-плутовского романа, делая главным героем времени и страны прохиндея-самозванца, чуждого любому социуму, теряющего свое подлинное лицо за масками, но неизбежно осужденного на гибель.

Последний по времени издания исторический текст Юзефовича «Зимняя дорога» (2015) с подзаголовком «Генерал А.Н. Пепеляев и анархист И.Я. Строд в Якутии. 1922—1923. Документальный роман», получивший литературную премию

«Большая книга» за 2016 год, ориентирован на стилистику художественного документализма: автором привлечен огромный архивный материал (следственные дела героев, их письма, книги и т.д.), дополненный воспоминаниями о Сибири знаменитых русских ссыльных XIX—XX веков, газетными статьями, энциклопедическими подробностями о сибирском климате, рельефе, фауне. Подчеркнуто отстраненный тон повествования крайне редко дополняется авторским комментарием. При этом совершенно очевидно, что для Юзефовича Пепеляев и Строд со своим личным противостоянием в ледяной Сибири — еще один эпизод титанической борьбы журавлей и карликов, которые, при всей разности идеологий, прекрасно понимают и уважают друг друга. Даже погибают они синхронно — в жерновах большого террора во второй половине 1930-х годов. По сравнению с этими гигантами, которые жили высшими соображениями, все прочие персонажи, да и сами белые и красные армии кажутся преходящими пешками, перемоловшими своих генералов.

Как мы видим, парадокс современной отечественной исторической прозы состоит в том, что авантюрные начала востребованы в произведениях сложных, трагических, анализирующих особенности национального характера в кризисные моменты отечественной истории. Наиболее показателен в этом отношении роман Захара Прилепина «Обитель» (2014). Согласимся с критиком Л. Данилкиным в том, что в этом романе Прилепина «интересует... национальная история, которая здесь представлена в химически чистом, лабораторном варианте. Соловки — и есть Россия, макрокосм в микрокосме; остров как модель страны» [3]. Но центральным персонажем на этом острове-стране становится Артем Горяинов, осмысляемый как типичный для авантюрного романа герой-посторонний, которым, по мысли М.М. Бахтина, «присуща своеобразная особенность и право — быть чужими в этом мире, ни с одним из существующих жизненных положений этого мира они не солидаризируются, ни одно их не устраивает, они видят изнанку и ложь каждого положения» [1. С. 412]. Артем, осужденный за отцеубийство, — принципиально чужой для всех категорий каторжан: и для политических, и для уголовников, и для мучеников, и для палачей, что, с одной стороны, позволяет ему с легкостью сходить с людьми любых категорий, с другой — он никогда и ни с кем не разделяет своей судьбы, последовательно отказываясь как от общей исповеди и отпущения грехов, так и от артельной работы. Эта невключенность формирует у Горяинова специфическую авантюрную ауру, его положение в мире неустойчиво: каждая новая глава оборачивается очередной метаморфозой, швыряя Горяинова то на общие работы, то в театр, то в больницу, то в камеру смертников. Можно сказать, что как раз авантюрностью главного героя во многом и определяются многоступенчатый сюжет и главное качество героя — его «неизменность», отсутствие «пути духовных исканий». Более того, авантюрные черты в «Обители» в какой-то степени объясняют и своеобразие авторского отношения к истории, к поспраанию нравственных категорий, к взаимозаменяемости палачей и жертв: авантюрный дискурс не осознает смерть как драму, не склонен к саморефлексии и чувству вины, для него более значимым оказывается процесс погружения в «живую жизнь», исследования ее нормы и отклонений, что отвечает умонастроению определенной части сегодняшней читательской аудитории.

Упомянем и о той принципиальной роли, которую играет исторический дискурс для современной женской прозы. Поскольку смысловым центром современной русскоязычной женской прозы является семейно-бытовой роман в своих различных вариантах, конструктивным принципом повествования становится соотнесения частного семейного сюжета с сюжетами историческими, трагически влияющими на быт и судьбы героев и героинь. Таким образом, история здесь является только фоном, но фоном практически обязательным для развития действия. Общая культурологическая функция женской прозы по адаптации топики и стилистики «качественной литературы» для массового читателя проявляется и в обращении с историческим материалом: историческое повествование подменяется даже не апологией «частного бытия», но своего рода «обманкой», декорацией истории (романы М. Степновой, Д. Рубиной, Е. Катишонок и др.). При этом отметим, что продуктивность исторического нарратива заставляет отдельные образцы женской прозы относить к массиву исторических повествований. В частности, последний роман Л.Е. Улицкой «Лестница Якова» характеризуется критикой следующим образом: «“Лестница Якова” — роман об истории. Не просто действие происходит в прошлом, как было у Улицкой раньше. Здесь история — главная тема, содержательный и формальный фундамент повествования. “Лестница” натянута между временами» [4]. Действительно, в романе можно выделить документальную основу — подлинные письма деда Улицкой, в которых упоминаются реальные исторические деятели и события, свидетелем (и даже участником) которых он стал. Представлена автором и собственная концепция бытия как лестницы (цепочки) поколений, а науки и культуры — как посланного Богом единого Текста, который человечество должно расшифровать и прочесть. Вероятно, Улицкая ближе всех в женской прозе подходит к тому, чтобы создать некую гендерную модификацию исторической прозы.

Иную модификацию исторического повествования, ориентированную на историософскую прозу XX века (например, роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»), представляет собой «неисторический роман» (согласно подзаголовку) Е.Г. Водолазкина «Лавр» (2012). Самым типологически близким к этому тексту произведением можно считать роман В.П. Аксенова «Вольтерьянцы и вольтерьянки» (2004), в котором, как и у Водолазкина, вымышленные исторические подробности и герои сочетаются с продуманной историософской концепцией и остроумной исторической стилизацией, разрушающей строгое жизнеподобие исторического романа XIX—XX веков, но формирующей, возможно, новый канон начала XXI века. «Лавр» идеально вписывается в схему «истории повседневности», представляя собой подробную историю (местами — с уклоном в агиографию) средневекового врача, принявшего монашество. Воссоздание быта и мировоззрения средневекового человека заменяет в романе отсутствие масштабных исторических событий. Водолазкин, филолог-древник, создает своего рода художественную энциклопедию средневековой культуры: литературы, суеверий и примет, хождений в Иерусалим, ожиданий конца света, уважения к юродивым, святой веры в Бога и Его милость к падшим, в демонов и ангелов.

Историософская модель Водолазкина основывается на христианском понимании истории как личностного становления (или же деградации) на том пути

духовных искушений, которые подстерегают личность в социуме, сотрясаемом различного рода «историческими потрясениями». Обыденное человеческое существование автор предлагает рассмотреть с точки зрения Божественной вечности, где нет поступательного движения, нет «истории» и «времени» в понимании классического исторического повествования, но вся совокупность деяний, чувств, помыслов пребывает в своей свершенности в ожидании Божьего суда и милости. Условный исторический материал необходим Водолазкину для актуализации той ценностной парадигмы, в которой акцент сделан на личном участии человека в воплощении глобального мирового сюжета спасения, а частная судьба рассматривается не только в конкретно-историческом, но и в универсально-вселенском контексте движения от небытия к победе над смертью, от грехопадения к спасению и вечной жизни.

Филигранные по повествовательной технике, развивающие неомодернистские художественные тенденции, «неисторические» романа Аксенова и Водолазкина в определенной степени формируют этико-эстетическую альтернативу массовой культуре и развлекательной беллетристике, они возвращают историческому повествованию одно из его первостепенных качеств — философско-аксиологическую семантику, нравственный императив, что позволяет говорить о реализации историческим романом современного типа нравственно-эстетического потенциала отечественной литературы.

Подводя итоги, мы можем утверждать, что приверженность исторической тематике — один из системных факторов современного литературного процесса, обусловленный как социокультурными, так и собственно литературными причинами. Отказ от канонического исторического романа оборачивается активными формально-стилевыми поисками новых актуальных моделей исторического нарратива. На данный момент возможно обозначить несколько основных направлений трансформации исторического повествования: а) тяготение к авантурным приемам, влияние массовой культуры; б) обращение к теориям «альтернативной истории», создание авторских вариаций исторических событий; в) воссоздание не масштабных исторических событий, но «истории повседневности», интерес к реконструкции частного бытия. В определенной степени эти тенденции обозначают разнонаправленные векторы современного литературного сознания, координаты которого колеблются в пределах от масскульта до так называемой «качественной прозы для интеллектуалов», ориентированной на многоаспектный диалог с литературной традицией и решение задачи обновления художественного языка.

© Солдаткина Я.В., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930—1961 гг.). М., 2012.
- [2] *Гулярян А.Б.* Жанр альтернативной истории как системный индикатор социального дискомфорта // Самиздат [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/f/forum_a_i/doclad1.shtml (дата обращения: 13.10.2016).

- [3] Данилкин Л.А. «Обитель» Захара Прилепина: лагерный ад как модель страны // Афиша. Воздух [Электронный ресурс]. URL: <http://vozduh.afisha.ru/books/obitel-zahara-prilepina-lagernyu-ad-kak-model-strany/> (дата обращения: 13.10.2016).
- [4] Маркарян О.Э. «Лестница Якова». Роман о прошлом // Rara Avis Открытая критика [Электронный ресурс]. URL: http://rara-rara.ru/menu-texts/lestnica_yakova_roman_o_proshlom (дата обращения: 13.10.2016).
- [5] Мескин В.А. «Мысленный волк» Алексея Варламова как опыт символистского романа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2017. № 1.
- [6] Пушкарёва Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований // Перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения 13.10.2016).
- [7] Терехов А.М. Каменный мост. М., 2009.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 октября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Солдаткина Я.В. (2017). Современная русская историческая проза в контексте литературного процесса 2000—2010-х гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 47—54.

Сведения об авторе:

Солдаткина Янина Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета, доцент.

Контактная информация: e-mail: yav.soldatkina@m.mpgu.edu

CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORICAL PROSE IN THE CONTEXT OF THE LITERARY PROCESS OF 2000—2010th

Ya.V. Soldatkina

Moscow Pedagogical State University
Malaya Pirogovskaya, 1, Moscow, Russia, 119991

The purpose of the article is to identify the main principles of creation of the modern historical fiction and to determine the reasons for its popularity. In the course of the current study, the following features of modern Russian historical prose were noted: non-realistic depictions of historical events and historical figures, the shift of the narrative towards the sphere of private life and reinforcing the entertainment element. Writers are paying more attention to recreating the historical flavor, reflecting the consciousness of the era. The historico-philosophical prose of V. Aksenov and E. Vodolazkin is fundamentally different: they bring back to the historical prose its core values, philosophical and social categories, which are equally important for the past eras as well modern times. In general, the modern historical fiction, if analyzed systematically, reflects the leading artistic trends of the literary process of 2000—2010th: a dialogue with mass culture and the search for a new narrative style.

Key words: contemporary historical prose, historical consciousness, an adventurous novel, historiosophical novel, artistic documentalist

REFERENCES

- [1] Bahtin M.M. *Formy vremeni i hronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in the novel]. Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij*. T.3: *Teorija romana* (1930—1961). M., 2012.
- [2] Gularjan A.B. *Zhanr al'ternativnoj istorii kak sistemnyj indikator social'nogo diskomforta* [The genre of alternative history as a systemic indicator of social discomfort]. Samizdat: URL: http://samlib.ru/f/forum_a_i/doclad1.shtml (accessed 13.10.2016).
- [3] Danilkin L.A. «Obitel'» Zahara Prilepina: lagernyj ad kak model' strany [“Cloister” by Zakhar Prilepin: the hell of the camp as a model for the country]. *Afisha.Vozduh*: URL: <http://vozduh.afisha.ru/books/obitel-zahara-prilepina-lagernyy-ad-kak-model-strany/> (accessed 13.10.2016).
- [4] Markarjan O.Je. «Lestnica Jakova». Roman o proshlom [“Jacob’s Ladder”. A novel about the past]. *Rara Avis Otkrytaja kritika*: URL: http://rara-rara.ru/menu-texts/lestnica_yakova_roman_o_proshlom (accessed 13.10.2016).
- [5] Meskin V.A. «Myslennyj volk» Alekseja Varlamova kak opyt simvolistskogo romana [“The spiritual wolf” by Alexey Varlamov as the experience of the symbolist novel]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Literaturovedenie, zhurnalistika*. 2017. № 1.
- [6] Pushkareva N.L. «Istorija povsednevnosti» kak napravlenie istoricheskikh issledovanij [“The history of everyday life” as the direction of historical research]. *Perspektivy*: URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (accessed 13.10.2016).
- [7] Terehov A.M. *Kamennyj most* [Kamenny bridge]. M., 2009.

Article history:

Received: 15 October 2016.

Revised: 30 October 2016.

Accepted: 20 November 2016.

For citation:

Soldatkina Ya.V. (2017). Contemporary Russian historical prose in the context of the literary process of 2000—2010th. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 47—54.

Bio Note:

Soldatkina Yanina Viktorovya, Doktor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of Moscow pedagogical state university.

Contacts: e-mail: yav.soldatkina@m.mpgu.edu